

УДК 316.73

ББК 71.04

ФОРТУНАТОВА В.А., ВАЛЕЕВА Е.В.

ИНОМИРНОСТЬ И ИНОМЕРНОСТЬ КАК МЕТАФОРЫ СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО

Пограничное состояние культуры сегодня находит свое отражение в социальных практиках человека, выявляющих новые смыслы. Они связаны не только с объективной действительностью, но и с духовным состоянием общества, переходят в особую сферу инобытия по отношению к предшествующим этапам развития человечества. Выход за пределы актуального существования в пространство объектов разума формирует новый тип иномирного (усредненного) человека. Иномирность — это, прежде всего, свойство классики, часто забытой и невостребованной молодым поколением россиян. Под классикой мы понимаем не только искусство, но и манеры, представления, особенно этику. Иномерность — цель инновационного развития, которая находит отражение в новом идеале, транслируемом и создаваемом современным образованием, специфике которого посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: культурная диалектика, иномирность, иномерность, мера, гармония, внутренний и внешний мир, метафора.

Крушение традиционных ценностей обрекает человека на постоянный поиск себя. Путь андеграунда и контркультуры сегодня оказался почти исчерпанным. Протест против серости и культурного варварства сходит на нет. Мужество реализовать свой личный проект и на пути асоциальности выйти за пределы обыденности — черта, характерная, скорее, для возрастной психологии подросткового периода, чем для культуры в целом. Культурные традиции часто становятся лишь элементами современного дизайна. Будущее не создается трагическими усилиями поколений, а мозаично складывается из

VI

КАФЕДРА

фрагментов идей и эпох в эклектичный модный имидж. В этих условиях мы сталкиваемся с иномерностью классики и иномирностью ее потребителей. Иномирность — это оторванность молодого поколения от мира классической культуры и традиции. Перед современным образованием стоит проблема найти те сферы культуры, которые сегодня оказались чужими для современников, т. е. стали чужеземными (или иномирными), и сформировать иномерного человека.

Иномерность предполагает введение понятия «мера» (или «культурная мера»). Однако в социологии и культурологии меру часто заменяют «нормой» — общепринятым стереотипом, стандартом, некоей усредненностью. Однако мера — то, что человек чувствует интуитивно, что так или иначе связано с понятием культурного инстинкта, не имеет технологии измерения, поскольку понимание культурной меры в высшей степени индивидуально. При отсутствии понятия «культурная мера» есть типология установления социальных закономерностей.

Закономерность — это закон меры и мерности. Таким образом, изучая меру, мы выходим на выявление неких законов. Культура — это явление, живущее по своим законам, они отличаются нечеткостью формулировок, неполной осознанностью, вариативностью, безмерностью и неизмеренностью. Игнорирование этих законов ведет к разрушению культуры и, в конечном счете, к деградации человека.

Если современный молодой человек весь культурный мир считает иномирным, тогда возникает вопрос: кто же он сам? От культуры — к ее создателю — вот путь понимания меры человеческого. Иномирный человек — это человек усредненный. Если человек иномирен культуре, то где его мир, где его место? Таким «усредненным местом» для стандартизированного человека является обыденность, массовая культура, т. е. облегченное в смысловом отношении пространство. Конечно, массовая культура существовала и раньше, она всегда была необходима человеку, но знала «свое место» и «свою меру». Такое положение дел являлось закономерностью (или законом) существования человека до наших дней.

Будучи мобильным и гибким, сегодня молодой человек способен на трансформации, по меткому наблюдению Жиля Делеза [4], он отбрасывает прошлое и настоящее и полностью ориентируется на будущее. В таком качестве этот психоантропологический феномен еще не осмыслен ни культурологическим, ни социологическим исследованием, однако за современным признано безусловное право на иномирность, предполагающую отказ от классики и вечных ценностей; взамен им даются критерии «демократического общества», декларирующие полную независимость от каких-либо норм и моральных обязательств. Между тем отказ от классики — это отказ от культуры как завоевания традиционного общества.

Символический характер культуры делает ее сферой смыслополагания и способом социализации. Культурная классика, во-первых, выступает неким материально-идеальным между прошлым и настоящим, между настоящим и

будущим; во-вторых, становится процессом формирования иномерности в результате взаимодействия Своего и Иного, создания новой меры как предела нового качества и как идея, представленная в виде цели и ценности.

Классика, т. е. все лучшее, что отобрано коллективным опытом развития, что духовно формирует человека, готового сотрудничать с ней, влияет на его ценностные и мировоззренческие установки. В условиях современного опрощения и отказа от классической архаики такому человеку придется быть посланцем иномирности, пережить свою исключительность и, возможно, изолированность от других. Но необходимо общественное сознание того, что иномирность несет в себе деструктивные тенденции и способствует возникновению многих кризисных явлений. Однако культурная иномерность не ведет к асоциальности, имея перед собой иные цели, и способствует возрождению классических традиций.

Так, иномерность становится целью инновационного развития, что находит отражение в новом идеале, который транслирует и создает образование. Идеал есть идея, воспринимаемая человеком как цель и ценность. Именно аксиологическая подоплека делает идеал действительным регулятором жизни человека и общества, обеспечивает содержательную связь между настоящим и будущим и вместе с тем обрекает эту конфигурацию иномерности на постоянное становление в противоречиях, в преодолении сопротивления. Цель всегда предполагает и во многом определяет путь ее достижения. Иномерность открывает новые перспективы перед человечеством и одновременно является барьером, вызывающим сопротивление человека, призванного стать иномерным. В предлагаемом контексте культура понимается как пространство и технология конструирования идеалов, которые сегодня выступают в качестве «окон иномерности» [15, с. 65].

Образование и профессиональная подготовка студентов окажутся более эффективными, если будут нацелены не только на формирование специалиста, но и человека культуры, которому предстоит постоянно отстаивать и подтверждать этот статус.

Иномирность как вариант одномерности

Появление постфигуративного искусства означало постепенный, но последовательный «уход» человека из художественной культуры, замена его «человеком без свойств» [8], расчленением и деформацией человеческих форм, акцентированием «потока сознания». Через сто лет человек сам ушел из культуры, объявив ее «излишеством», предоставив компьютерным технологиям вопросы образования, эстетики, сведя с их помощью большинство нравственных проблем к рационализму, прагматизму, этической логистике.

Параллельно с этими магистральными направлениями развития культуры в обществе стал возникать интерес к иномирности, связанный с загадками бытия, нерешенными вопросами в природе, поиском альтернативной замены земной жизни. Наряду с физическим и духовным

мирами появилась виртуальная реальность, эзотерическое бытие, «кастрал», трагическая псевдореальность, созданная психоделическими средствами и вовлекающая людей с неокрепшим сознанием. К их числу относятся, прежде всего, молодежь, а также все увеличивающееся число невежественных и малограмотных людей, игнорирующих научное знание в силу низкого образовательного уровня. «Средневековые возвращаются!» — провозгласил по этому поводу У. Эко [17]. «История закончилась» — вторил ему Ф. Фукуяма, заявивший, что под историей он понимает «единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов. Такое понимание Истории более всего ассоциируется с великим немецким философом Гегелем. Его сделал обыденным элементом интеллектуальной атмосферы Карл Маркс, заимствовавший свою концепцию Истории у Гегеля. Оно неявно принимается нами при употреблении таких слов, как “примитивное” или “развитое”, “традиционное” или “современное”, в применении к различным видам человеческого общества» [13, с. 9].

Нетрудно заметить, что в содержание Истории, по мнению Фукуямы, входит и культура, представленная коллективным опытом человечества и высшими его достижениями. Отвергнутая, дискриминированная культура, представшая как вид утопии, как чистая умозрительность или набор слащавых «красивостей», неуместных в раздираемом агрессией и ненавистью мире, продолжала свое существование для немногих, переведенная «в цифру», но «изгнанная» из человеческой души.

Постепенно сформировался иномир культуры, характеризующийся опосредованностью, воображением, рефлексией, системой образов познающего мир сознания [6], в котором язык и мифологическое мышление есть первые условия существования культуры и развития человека. Материализация духовной сферы, ее перевоплощение в ряд осязаемых символов, осознаваемых категорий, понятий особенно заметна в религии и искусстве. Образ, предстающий как икона, является самым убедительным примером в этом направлении.

В живописи к ним можно отнести такие искусствоведческие устоявшиеся понятия, как «кранаховская», «рубенсовская», «ренуаровская» женщина и др. В литературоведении столь же устойчивы понятия: «диккенсовский мир» [18], «толстовская Русь», «онегинская скамья» и т. д. Часто они означают столь крупное и масштабное явление, что для его постижения требуется особый язык, понимание принципов организации, особый культурный код. Овеществление слова, символизация актов и объектов, интерпретация окружающего — эти и подобные технологии очеловечивают мир, создают не *антимир*, но *иномир*, означающий культурную реальность [10].

Человек — существо незавершенное и открытое в своем развитии, предстающее то *одномерным*, то *многомерным*. Диагноз человеческой одномерности был поставлен Гербертом Маркузе еще в 1964 г. [7]. Следует признать, что это было достаточно точное прогнозирование культурно-антропологических процессов, активизи-

рованных, прежде всего, развитием техники. *Одномерный человек* — человек усредненный, стандартизированный, ориентированный только в сферу потребления.

С 1990-х гг. началось смещение акцентов в структуре социологического и культурологического знания, когда все чаще стали говорить о многомерности человека. Многомерный человек транслирует разные варианты человека мобильного, гибкого, однако при всем этом он «универсал одного единственного измерения, только разбитого на интервалы» [15, с. 57]. Дробление человека «на составляющие» не приводит к провозглашенной и желаемой многомерности, но лишь усугубляет его одномерность, хотя и в упаковке культурного разнообразия [11].

Многомерность в условиях либеральной свободы стала означать *безмерность* представлений человека о самом себе. Безмерность связана с неизмеренностью, неограниченностью, неизведанностью, что в итоге и привело к *иномирности* человека традиционной культуре и самому себе.

От иномирности к иномерности человека как путь восстановления гармонии

Категория *иномерности* используется нами в качестве интегрирующего понятия, объединяющего разнонаправленность векторов культуротворческой деятельности представителей социума, способствуя тем самым росту творческой активности молодежи. *Иномерность* в таком контексте — это не только пространство духовного богатства, но также система механизмов внутреннего совершенствования человека, важнейшим из которых является мера как путь к гармонии.

Восстановление гармонии, неотделимой от красоты, является генеральной идеей античной философии. В трудах Аристотеля как создателя учения об основных принципах бытия выдвигается принцип соразмерности человека и прекрасного на основе меры, которая состоит из пропорций, логики, цели, причин, базируется на разуме и отражает в себе волю творящего сознания. В трактовке его учения не вполне отчетливо излагается диалектика меры и души, которой философ уделял большое внимание. Он полагал, что состояния души неотделимы от природной материи живых существ так, как неотделимы от тела отвага и страх, а не в том смысле, в каком неотделимы от тел линия и плоскость [1, с. 374].

Аристотелевская линия в философии культуры достигла пика своего развития в гегелевской идее *инобытия*. Переход в противоположность, иное состояние рассматривался Гегелем по отношению к природе и как этап овладения абсолютной идеей в предметно-чувственном пространстве.

С этого момента, по мнению диалектика, начинается зарождение и развитие *знакового* бытия, не имеющего само по себе никаких значений, кроме тех, какими их наделяет дух. Наличное бытие и внутреннее представление оказались в ситуации противостояния как нечто принципиально несходное. «Произвольное соединение, — пи-

шет философ, — какого-нибудь внешнего существования с некоторым не соответствующим ему и по содержанию отличным от него представлением, выражающееся в том, что это внешнее существование отождествляют с данным представлением или, лучше сказать, с его *значением*, превращает это существование в *знак*» [3, с. 157].

Гегель предчувствовал произвольность создания и изменения знаков, умерщвление чувственного мира в слове, символизирование абстрактных отношений и определений. Но он не провидел нынешней общественной ситуации, когда чувственное наличное бытие убивает слово, а заодно и многие другие знаки культуры, когда симулякры получают субстанциональный статус в мире, а «симулятивная реальность» потребует для себя новый тип человека [2].

Но эту перспективу наметил З. Фрейд, который в программном для нашей темы трактате «Недовольство культурой» (1930) [12], по сути, провозглашает отказ от культуры, видя в этом технологию разрешения внутреннего конфликта естественного и искусственного в человеке. Иными словами, способ восстановления гармонии — отказ от мира, созданного человеческим разумом, волей и энергией. Аристотелевская, гегелевская и фрейдовская концепции культуры (гармония — инобытие — недовольство) породили свои способы самоактуализации и самореализации человека, особые гуманитарные представления о мире, создали аксиоматику культурного общества и традиции духовной классики.

Иномирность как метафора подвижной образовательной модели

Иномирность предстает как сфера реализации творческого потенциала социума, а также как самостоятельная система ценностей, способствующая развитию этических представлений индивида, нормативно-образных характеристик общей социальной реальности.

Полисистемная природа иномерности предполагает ее подвижную, реактивную модель, обусловленную вполне конкретными временем и пространством. Иномерный человек одинаково уверенно чувствует себя во всех трех временных измерениях, он «всюду дома», поскольку находит коммуникативные механизмы общения с рядом живущими (с Другим и с Ближним).

Нетрудно заметить, что иномерность в такой интерпретации сродни знаменитой русской «всемирности», провозглашенной в конце XIX в. отечественной философией как сущностное свойство русского менталитета. Однако под действием социально-исторических преобразований в стране, а также в результате культурно-антропологического кризиса во всем мире русская всемирность оказалась забытой, искаженно истолковываемой, недооцененной, оставшейся лишь историческим понятием. Минувшее с той поры столетие обнаружило в нем мощный потенциал прогрессивного саморазвития как отдельного народа, так и всего человечества, приобщив его к универсальной сущности духовности как синтезу многообразных и лучших свойств человека.

Иномирность также рассматривается как способ бытия «для себя», но бытия и «для всех». Это следует подчеркнуть, потому что иногда появляются идеи надмирности людей «высокой культуры», не ассимилированных в человеческий мир с его заботами и проблемами. Классика давно уже развенчала подобный «сюжет» и предоставила многочисленные примеры того, как любые формы «над» и «сверх», означающие утрату меры, ведут к искажению и уничтожению самой сути гуманизма.

Метафорический механизм рассмотрения культурного состояния современника необходим в силу раздвоенности его нынешнего состояния. Двойственность относится к числу сущностных свойств человека и обусловлена, прежде всего, конфликтом духа и тела. Сегодня этот конфликт трансформировался в столкновение культуры и цивилизации, разума и безумия, добра и зла, человека и природы. Дуальность современного мира, в котором за каждым явлением стоит его противоположность, не оставляет, кажется, надежды на развитие. Мир и Антимир — это все, что остается современному человеку (иномиру).

Однако иномер живет по принципам диалектической триады, которая также составляет и ядро православного догмата об Отце, Сыне и Духе. Во-первых, в этой триаде нет отрицания, а лишь повторение пройденного и единение с ним на новом уровне, во-вторых (и это главное), здесь возникает третье состояние — Духа (святости, образования, времени и т. д.), берущего на себя не только открытие истины, но и тяжесть ответственности.

Категория иномерности становится интегрирующим понятием, объединяющим разнонаправленность векторов культуротворческой деятельности представителей социума, характеризующим рост уровня творческой активности молодежи.

Таким образом, иномерность — это не только некое пространство духовного богатства общества, но и система механизмов совершенствования человека, важнейшим из которых является мера, понимаемая как путь к гармонии, но и сфера реализации творческого потенциала социума, а также система ценностей, способствующая развитию этических представлений индивида, нормативно-образных характеристик общей социальной реальности.

Методология иномерности включает в себя формирование категориальной структуры этого явления (категория вечности, категория поиска, категория отклика, категория возможности и др.). Необходимо создание парадигмальных образцов, которые помогут в образовании при решении задач духовного развития в современных условиях [9]. Одна из онтологических проблем заключается в отделении иномерности от астрального мира, пространства психофизических ощущений, эзотерического понимания субстанции пространственного бытия. Речь идет не об оккультизме, а о духовности, материализовавшейся во множестве своих проявлений, составляющих суть человечности, культуры, идеализма как системы идеалов, как технологии возвышения личности над миром физического бытия.

Классический вариант иномерности в этом понимании представляет собой художественная культура, объединившаяся с культурологией образования. Такой подход требует трансформации образовательной рациональности, которая стала целью, задачей и способом достижения в современной школе. В.С. Степин определяет новый тип рациональности как *постнеклассический*, в котором цели экономического и социально-психологического характера играют большую роль [9]. Соглашаясь с мнением автора и развивая его идеи, можно предложить конкретизацию обсуждаемого нами понятия с позиции метафорической рациональности. В этом определении заложена идея синтеза междисциплинарного образования и его воздействия на формирование личности. В связи с этим вместо перехода от одной образовательной модели к другой выдвигается идея образовательного потока, устойчивого в своем движении, изменчивого в непрерывной эволюции. Факт иномирности можно наглядно доказать, сопоставив «реального» выпускника с его «иномирным» сверстником.

Преобразование иномерности из метафоры в науку — процесс, требующий многих усилий, терпения, опыта и таланта его участников. Однако иномерность, не отбрасывая ни одной дисциплины житейски-практического мира, сосредоточена на создании системы знаний, предметом которых является человек в целом, на уровне всех его проявлений, включая и элементарные действия. Гуманитарный катализ знаний, без чего невозможно появление иномерности, основан на своем главном автокатализаторе — человеке, его связях, реакциях, поступках, ингибиторах и новых открывающихся возможностях. Иномерность построена на фундаментальном взаимодействии «Я» с культурными объектами и человеческими субъектами воплощенного прошлого и переживаемого настоящего. Порождаемое ею воздействие на личность сопровождается появлением перцептивных способностей, т. е. зеркального отражения иномерной деятельности, соотношенной с внутренним состоянием субъекта и реалиями его внешнего бытия.

Новая образовательная идея как решение проблемы

Вот уже полвека, на наш взгляд, россияне живут в ситуации подавления настоящей культуры, в состоянии бескультурья. Сегодня, как никогда, России нужны новые люди культуры, способные стать *посредниками* между сегодня и завтра, *проводниками* в будущее, для того чтобы они были пригодны для «завтра». Иномирному человеку, оторванному от классики прошлого, надо сформировать представление о будущем, однако не о таком, каким ему является настоящее.

Как современный студент, оторванный от культурных традиций, живущий исключительно настоящим, может стать таким парламентаром в будущее? Нам представляется, что будущее должен определять иномерный человек. Б. Шоу в свое время очень эмоционально писал: «Вот подлинная радость жизни — отдать себя цели, грандиозности которой ты сознаешь; израсходовать себя прежде, чем тебя выбросят на свалку; стать одной из движущих

сил природы, а не трусливым и эгоистичным клубком болезней и неудач, обиженным на мир за то, что он мало радел о твоём счастье» [16, с. 378]. Стать иномерным и сформировать себе подобных — это новая образовательная идея, которая пробуждает понимание того, что инновации в сфере образования необходимы. Такова специфика момента.

Внутреннего и внешнего ресурса у иномерного человека сейчас пока нет, более того, он сам выступает как барьер. Однако развитие идет своим чередом, даже если выбранный обществом «посланец» будет сопротивляться. В этом смысле желаемая гармония в любом инновационном процессе выступает как резерв и одновременно барьер развития.

Иномерность переходит в трансмерность, меняя органическую структуру реальности на основе семантики предложенной метафоры. Перспективой сохранения и эволюции человека становится его возвращение к изначальному культурному состоянию в его высших проявлениях, но вместе с тем на принципиальном новом уровне развития сознания. Как справедливо отмечает М.Н. Эпштейн, «гуманитарные науки много знают, но мало мыслят, производят мало идей, которые могли бы определять развитие цивилизации... каждая гуманитарная наука должна стать еще и искусством изменения того, что она изучает» [19, с. 41]. Помимо теории, истории литературы и литературной критики в литературоведении должен появиться еще один раздел, обращенный не к прошлому и не к настоящему, а к будущему (например, креаторика, эвристика, прогностика), т. е. нужны творцы во всех сферах жизнедеятельности человека.

Требуются творцы и в сфере образования, которое на деле должно стать практическим или экспериментальным; оно сформировало бы человека, способного не просто творить культуру и изучать ее, но и открыть в ней новую эпоху. «Пришла пора узаконить как самостоятельную область интеллектуальной деятельности и *creative thinking* (творческое мышление), в какой бы гуманитарной области оно ни проявлялось. Конструктивный сдвиг в гуманитарных науках назрел давно и требует интеграции в систему академических программ и институций» [19, с. 47]. Это вызов времени.

Ответ содержится уже в самой культуре. Несмотря на все негативные оценки постмодернистского мышления, оно дает выход новым творческим находкам. Постмодернисты мыслят согласно своей логике, однако интерпретируют именно классику и не отвергают ее, но используют. Пришло время, когда надо не отвергать, а обобщать опыт самого постмодернизма и критики логоцентризма, делая акцент на динамике осмысления и порождения новых смыслов, опираясь на личность, которая и есть единственный источник этой динамики. Соединение постмодернизма и классики в последнее время дает хорошие результаты, открывая конструктивный потенциал социальных исследований. Это повод надеяться на то, что если мы соединим классическое образование с новым опытом, то придем, наконец, к поставленным перед об-

разованием целям. Сегодня это успешно осуществляет на практике новосибирская научная школа. На ее примере можно говорить о том, что социальные и образовательные технологии должны быть обогащены культурологическим методом, позволяющим актуализировать незримые слои материи, граничащие с психикой, генетическим кодом, сознанием, обогащающие исследовательский уровень мышления конструктивно-преобразовательным.

Если рассматривать иномерность с позиций синергетической парадигмы, то это явление — результат синергии, органичного взаимодействия человеческой энергичной конфигурации и энергии внешнего истока. Образование иномера (интертрекера) — синергетический результат формирования и развития личности (синергетического развития культуры), реализующий возможность прорыва в иное. Сегодня им выступает классика, в которой иномерный человек может эффективно проявить себя. «Гении-творцы — в конструкторских бюро, например. Люди с даром предвидения — в спецслужбах или стратегических “мозговых центрах”. Люди с фантастической реакцией — в авиации. Люди с парадоксальным мышлением — в науке» [5].

Качества иномерного человека

Создание гениев, «сверхлюдей», интерлокеров, которых обучают налаживать взаимодействие со многими людьми с помощью особых психотехнологий, — это уже иномерность в реальном измерении. Интерлокер должен уметь доносить свои выводы в максимально понятной форме, используя и текст, и видеообраз. Это своеобразные коммуникационные человекоторренты. Подготовленные особым образом специалисты проходят психологические испытания, чтобы быть пригодными к работе в системе «человек—человек», «человек—знак», «человек—техника». Это интеллектуально развитые люди, но эмоционально уравновешенные, не одержимые идеей лидерства и доминирования. Интерлокер является не лидером в традиционном значении этого типа личности, которого готовят в массовых «школах», а инженером, культурологом, психологом, лингвистом, логиком, семиотиком, т. е. это универсально-гармоничный человек [5]. Таким образом, это и «поводырь», и проводник, и новый сверхчеловек, и культуртрегер, и коммуникатор, и аналитик ресурсов, поскольку, выполняя роль посредника между ресурсами, он еще и анализирует их. Подобный гений «заражает» гения; творец «порождает» творца. Научившись этому сам, можно научить другого. Задача в том, чтобы такое образование стало признанным и тотальным.

Интерлокер и иномер сближаются, становятся общим знаковым явлением, которое востребовано обществом. Интерлокеры хорошо понимают пространство как целостность, у них есть комплексное видение предмета, в частности экономики, целостное представление о культуре, т. е. они *иномирны* и *иномерны* одновременно. Их иномерность — это новое возвращение старого, актуализа-

ция отвергнутых современностью человеческих качеств. Иномерность в таком значении открывает путь прошлого к настоящему, чтобы потом определить будущее. Таким образом, иномерность — не только цель, но и путь к этой цели; это максимальное напряжение между иномерными основаниями человеческой культуры и бытия; это движение навстречу тому, что должно быть, и одновременно к тому, чего с человеческой точки зрения быть не может. Именно в иномерности человека гипотетически коренится возможность трансцендентального синтеза и разрешения трагических противоречий настоящего.

Еще одно качество культурно развитого индивида — интуиция, которая предстает во множестве проявлений: чувстве такта, сопереживания, угадывания, предупредительности и др. На этой основе возникает необходимость культурного разума, позволяющего рассматривать события и факты окружающего мира в их взаимосвязи и взаимообусловленности, появляется способность к созданию и прочтению культурного контекста отдельных элементов бытия. Все вместе создает личностное ощущение культурных возможностей, способных воздействовать на мир, на свое окружение, появляется действенная окультуренность индивида, делающая его полезным и востребованным в обществе.

Аутентичность, т. е. глубинная подлинность и истинность, является продуктом духовного развития и сопровождающего это развитие образовательного процесса. Иномерная аутентичность [14] означает взаимодействие личности в рамках определенного пространства, которое относится к духовной интерпретации реальной действительности, включает в себя модальности актуального мира, содержит знание о человеке как величайшей ценности в мироздании. Основными принципами иномерного бытия следует считать гуманизм, романтизм и коллективизм.

Таким образом, иномерность становится технологией потенциального обогащения человека в современном мире — чуткого восприятия, образного мышления, системного представления. Модели иномерной реальности через человека переходят в наш мир, раздвигая границы его ойкумены.

Список источников

1. *Аристотель. О душе* // Аристотель. Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1976. — Т. 1. — С. 369—447.
2. *Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть* / Ж. Бодрийяр. — М. : Добросвет, 2000. — 387 с.
3. *Гегель Г.В.Ф. Из философской пропедевтики* // Г.В.Ф. Гегель. Эстетика : в 4 т. — М. : Искусство, 1973. — Т. 4. — С. 7—209.
4. *Делез Ж. Тайна Ариадны* // Вопросы философии. — 1993. — № 4. — С. 48—53.
5. *Калашников М. Сверхчеловек говорит по-русски* / М. Калашников, Р. Русов. — М. : АСТ ; Астрель, 2006. — 640 с.
6. *Кассирер Э. Философия символических форм* : в 3 т. / Э. Кассирер. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. — Т. 1. Язык. — 272 с.

7. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек : Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. — М. : АСТ, 2002. — 526 с.
8. Музиль Р. Человек без свойств : в 2 т. / Р. Музиль. — М. : Ладомир, 1994. — Т. 1. — 183 с.
9. Степин В.С. У истоков современной философии науки // Вопросы философии. — 2004. — № 1. — С. 5—13.
10. Трунов Д.Г. Культура как иномир [Электронный ресурс] / Д.Г. Трунов. — URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3920 (дата обращения: 24.10.2015).
11. Фортунатова В.А. Одномерный человек в многомерной гуманитаристике : (проблемы и пути их решения в современном образовании) / В.А. Фортунатова, Е.В. Валеева // Вопросы культурологии. — 2014. — № 8. — С. 53—58.
12. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд. — СПб. : Алетейя, 1998. — 251 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ, 2004. — 592 с.
14. Хэтчер У. Этика аутентичных отношений / Международный образовательный проект Аксиос. — СПб. : Единение, 1999. — 156 с.
15. Шичанина Ю.В. Феномен иномерности в современной культуре : (философско-культурологический анализ) / Ю.В. Шичанина. — Ростов н/Д., 2004. — 240 с.
16. Шоу Б. Человек и Сверхчеловек // Б. Шоу. Полное собрание пьес : в 6 т. — Л., 1979. — Т. 2. — 708 с.
17. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. — 1994. — № 4. — С. 258—267.
18. Энгус У. Мир Чарльза Диккенса / У. Энгус. — М. : Прогресс, 1970. — 308 с.
19. Эпштейн М.Н. Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? // Философские науки. — 2008. — № 12. — С. 34—54.

УДК 303.01
ББК 71.0

МЕРКУЛОВА Н.Г.

ГЕНЕЗИС, ДЕФИНИЦИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНЫЙ КОД» В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Понятие «культурный код» в значении сущности, ядра, основания конкретной культурной системы требует уточнения как категория гуманитарного дискурса. Генезис этого понятия связан с заимствованием гуманитарным знанием из научно-понятийного аппарата точных наук термина «код», который можно трактовать как систему условных обозначений, сигналов, передающих информацию. Сущностной, раскрывающей природу феномена, представляется дефиниция культурного кода как набора основных понятий, установок, ценностей и норм, служащих для прочтения текстов культуры. Подробно типологизировать культурные коды представляется возможным с использованием основных категорий культуры, поскольку своеобразие любой культурной системы определяется общими представлениями и установками, из которых исходят люди в восприятии и осмыслении всего, с чем сталкиваются в своей жизни.

Ключевые слова: код, культурный код, менталитет, категории культуры, семиотический подход, культурный текст, значение, смысл.

Сущность любой культурной системы как единого целого обуславливает некое ядро, основание, определяющее ее характерные черты и направления эволюции. Сегодня в данном значении в научных и публицистических текстах все чаще употребляется понятие «культурный код», приобретшее особую популярность после программной статьи В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», в которой говорится о едином культурном коде россиян [29]. В.Р. Мединский отмечает, что идеология «стоит на многих китах, главный из которых — культурный код» и «гуманитарный канон...

закладывает обязательную систему ценностей, на которой... базируется культурный код» [4]. С 2012 г. термин «культурный код» начинает активно использоваться в отечественной публицистике, текстах [5; 19; 27], однако в гуманитарных исследованиях он пока не получил однозначного толкования.

Понятие «код» (фр. *code*, от лат. *codex* — книга [14]) заимствовано гуманитарным знанием из научно-понятийного аппарата точных наук, где примером его оформления как термина могут служить созданные для телеграфа код Морзе (1838) и код Бодо (1870). С начала 1950-х гг.